
1. Листья на дороге

Машина слетела с дороги, развернулась в воздухе испуганной птицей и с грохотом, с беспомощным звоном стекла, с искрами и фонтанами взрытой земли рухнула на обочину. Всего пара секунд, а для кого-то — целая жизнь. Или остаток жизни.

Потом в новостях наверняка скажут коротко и просто: «Водитель не справился с управлением, машина слетела с дороги на сложном повороте». И это, конечно же, будет правдой. Это уже правда. Но нейтральные, как по шаблону, слова не могли вместить в себя весь ужас того мига, когда потерявший управление металл сминается, теряет форму, давит, разрывает на части беспомощные, беззащитные тела, укрытые внутри. Как будто невидимому гиганту надоело играть и он просто смахнул с дороги машинку, не заботясь о том, скольким семьям придется облачиться в траур в ближайшие дни.

Еще и солнце, клонившееся к горизонту, било в глаза — и водителю разбившейся машины, и свидетелям. Усталое осеннее солнце с длинными рыжими лучами. Оно делало катастрофу нереальной, как будто нарисованной углем на оранжевой бумаге. Но оно же жигало образ машины, парящей в воздухе, теря-

ющей форму, в память — так, что забыть уже не получится никогда.

Елене за ее долгую жизнь доводилось видеть много такого, что другие сочли бы чудовищным. Она давно утратила сентиментальность, ей казалось, что она готова ко всему. Но машина, слетающая с дороги, такой неожиданный переход от банального момента к бессмысленной кровавой смерти... Это ее серьезно задело. Елена даже не помнила, кричала она в этот миг или нет. Спросить было не у кого: она ехала одна.

Она ударила по тормозам, и автомобиль с жалобным визгом замер, расчертив асфальт длинными черными полосами. Елена была не единственной, кто так поступил: на повороте уже образовался затор, случившееся видели многие. Время было еще не позднее, люди спешили домой... Водитель разбившейся машины, пожалуй, тоже спешил. Теперь уже не важно куда.

Елена выбралась из автомобиля, бросилась вперед, не думая о том, закрыла она салон или нет. Это казалось неважным сейчас: ну что такое потеря какого-то жалкого имущества по сравнению с тем сокрушительным финалом, которым становилась смерть? Именно этому Елена надеялась помешать: концу всего.

Кто-то уже звонил в полицию и скорую, кто-то наблюдал за машиной издали, но вплотную люди подходить не решались. Насмотрелись фильмов, боялись взрыва. Они и Елену попытались остановить, когда поняли, что она рвется к искореженному куску металла, который совсем недавно мало чем отличался от стоящих на дороге машин. Рядом с ним валялись красные

кленовые листья, тянувшиеся до самого асфальта. Как будто пятнами крови все заляпано...

— Женщина, куда вы лезете? Вам больше не на что посмотреть? Имейте уважение!

— Я врач, пустите!

Она не была похожа на врача сегодня. Почему-то некоторые люди ожидают, что медики даже в свободное время таскают с собой белые халаты. Но у Елены был выходной, она надела утром длинное шерстяное платье и выглядела такой же случайной свидетельницей, как все остальные.

Ее все равно пропустили. Кто-то должен был посмотреть, что случилось с людьми, оказавшимися в искореженной машине. Других желающих не было.

Елена сразу же бросилась к автомобилю, заглянула внутрь. На водительском и пассажирском креслах так и остались двое мужчин средних лет — скованных ремнями, потерявших сознание, окровавленных. Елена без сомнений проверила пульс и убедилась, что оба еще живы. Кажется, даже серьезных травм не получили... Машина была дорогая, подушки безопасности сработали вовремя.

В иное время Елена сосредоточилась бы на помощи этим двоим, но сейчас ее больше интересовал второй пассажир — пострадавший больше всего. Потому что мужчины благоразумно подстраховались ремнями безопасности, а вот девочка, ехавшая с ними, оказалась не пристегнута. Так ведь часто бывает: всем почему-то кажется, что с пассажирами, занимающими задние места, ничего не случится. Все плохое происходит с первой половиной салона, таковы негласные правила игры. *Я в домике.*

Но конечно же, у реальности другие законы, которые оказались безжалостны к юной пассажирке. Сильным рывком девочку вышвырнуло из салона через уже разбитое лобовое стекло. Теперь она замерла в паре метров от автомобиля: такая крошечная, свернувшаяся в клубок, дрожащая. Сколько же ей лет? Четырнадцать, пятнадцать? Из-за крови, покрывающей ее лицо, сложно было сказать наверняка, но вряд ли больше.

Они были странной компанией, если задуматься, — эти люди из разбившегося автомобиля. Мужчины средних лет в дорогих деловых костюмах, причем одинаковых. Девочка в свободном розовом платье. Автомобиль представительского класса. Внутри нет никаких детских вещей, даже рюкзака или сумки. Куда они везли этого ребенка? Не потому ли произошла авария, что девочка отвлекла своих спутников?

Елена отогнала эти мысли — назойливые, ненужные. Какая разница? Кому сейчас нужны ответы? Полиция наверняка заметит эти странности, она и станет разбираться. Елене же требовалось вести себя как врач, помочь сначала девочке, а потом и двум мужчинам, не задумываясь о том, нравятся они ей или нет.

Поэтому Елена поспешно наклонилась над девочкой, стараясь определить характер травм и их серьезность.

— Эй, малышка, — мягко позвала Елена. — Ты меня слышишь? Ты понимаешь, что произошло?

Но девочка не слышала и не понимала, при падении она потеряла сознание. Она дышала тяжело и хрипло, тихо постанывала, но все это — не приходя

в себя. И точно так же, инстинктивно, она наконец развернулась, когда Елена осторожно коснулась ее плеча, перевернулась на спину.

И вот тогда даже свободное розовое платье не смогло скрыть, что девочка-подросток на последних месяцах беременности.

2. Шоу должно продолжаться

В павильоне было шумно и душно. Горели ярко-рыжим лампы, подвешенные под далеким потолком, координаторы пытались перекричать толпу. Сопровождающих было больше, чем конкурсантов. Все не нравились всем. Круглые мамочки в цветастых платьях с подозрением смотрели на бабушек, сделавших по такому случаю укладку в парикмахерской. Молодившиеся из-за кризиса среднего возраста отцы притворялись, что происходящее им безразлично, однако украдкой ожидали вражеской диверсии: не плюнет ли кто в чашку, не порвет ли костюм? Старшие братья и сестры снимали все подряд на смартфоны, чтобы хоть как-то развлечься и вознаградить себя за потраченное время. Кадры получались в равной степени бездарные и ценные — такое вот редкое сочетание. Многим будет любопытно взглянуть, как проходят съемки популярного телешоу.

Хаотично проходят, надо сказать. То, что на экране предстанет идеальным праздником, в момент сотворения больше напоминало базар.

— Они на нас с тобой молиться должны, — заметила Женя. — Мы идеальны. Только двое, говорим тихо, никого не пытаемся ушатать термосом с куриным бульоном.

— Какой дипломатичный способ указать, что я никому не нужен, — усмехнулся Костя.

— Глупостей не говори. Мы могли бы пустить сюда стаю твоих дружков — и они были бы рады. Но кому в итоге пришлось бы сгонять этих баранов обратно в отару? Нет, спасибо, у меня есть дела поважнее! Да и вообще, тебе меня мало?

— Да я же шучу, Жень...

Казалось, что он действительно шутит, однако Женя прекрасно знала: у таких шуток было неприятное серьезное ядро внутри. Перед выступлением Костя всегда волновался — чем ближе час выхода на сцену, тем больше. В голову ему лезли мрачные мысли, от которых он старался избавиться, превращая их в шутки.

Мысли о том, что он действительно никому не нужен. Брошенный один раз, чуть не брошенный во второй... И все его нынешние попытки доказать, что и для него, Кости, уготовано место под солнцем, смотрятся просто жалкими. Куда он вообще суется такой — без армии мамушек-бабушек-нянюшек, без толпы гыгыкающих друзей, с одной лишь старшей сестрой? Которая и не сестра ему на самом деле...

Доказывать ему, что все не так, бесполезно. В прошлый раз Женя была вооружена лишь взвешенными аргументами и здравым смыслом. Тогда битву панике она благополучно проиграла: Костю накрыло прямо на сцене, он не сумел издать ни звука, так и ушел, провожаемый смешливыми заявлениями о том, что все в порядке и со всеми случается.

Он сейчас наверняка думает о том моменте. Боится. Потому и шутит все чаще, все глупее.

Женя прекрасно знала: с этим нужно что-то делать, иначе история повторится. Но ведь нельзя добиться нового результата старыми методами, правда? Поэтому она предпочитала не тратить время на лишние слова, орудуя кистью, легкой бабочкой метавшейся по целой палитре теней.

— Голову подними, осталось только подбородок закончить, — велела Женя.

— Я буду выглядеть как debil!

— То есть как обычно? Нет, я как раз работаю над этим.

— Спасибо, блин, — фыркнул Костя, но голову все же поднял. — Говорю тебе, я буду смотреться как та школоты, которой на утренниках незнакомые тетки пальцами аквагрим малюют.

— Ты вот так меня оцениваешь?

— Скажешь, получится иначе?

— Скоро сам увидишь, не болтай.

— До моего выхода пятнадцать минут...

— Константин, «не болтай» — это такое состояние, при котором у тебя челюсти не двигаются, а не при котором ты триндишь не затыкаясь!

— Хмпф!

— Очень зрелое поведение.

Женя и сама следила за временем. Со стороны она казалась невозмутимой — потому что кто-то должен был сохранять хладнокровие. Но сердце в груди колотилось все быстрее, воздуха как будто не хватало, рыжий свет больно бил по глазам. Женя просто не могла позволить себе такую роскошь, как откровенная паника, потому что тогда и брат перестал бы сдерживаться, да и у нее дрогнули бы руки, портя такой вели-

колепный пока результат. В истерике нет смысла даже выходить на сцену, будет как в прошлом году. Поэтому Женя была насмешливо-уверенной, и брат, не признаваясь в этом, копировал ее поведение.

Когда до выхода оставалось пять минут, Женя отложила кисточку, взяла большое зеркало и поднесла к лицу Кости. Ее брат, все это время показательно скептический, будто делающий ей одолжение позволением нанести грим, теперь сумел выдать лишь одно:

— Ого!

— Вот именно, — усмехнулась Женя.

Это не было похоже на детский аквагрим, которого так опасался Костя. Работа получилась чуть ли не лучшей на памяти Жени — должно быть, от волнения. Казалось, что светлая кожа подростка шелушится и отваливается, высвобождая сияющую серебром чешую дракона. Женя постаралась заострить и без того тонкие черты лица Кости, превращая его в нечто среднее между человеком и ящером, который уже вышел на охоту.

Грим был выбран не случайно, он идеально подходил к внешности парня. Костя смотрелся старше своих шестнадцати лет, он рано повзрослел. Поэтому теперь он был не мальчиком, который балуется маминой косметикой, а потусторонним существом — рослым, плечистым, с длинными черными волосами и пронзительными голубыми глазами, сиявшими среди нарисованной чешуи.

А главное, он был в маске, той, которую невозможно снять или потерять. Женя видела, что это уже влияет на него — отгоняет то самое стеснение, которое так часто ему мешало и которое он никак не мог

подавить. Парень смотрел в зеркало и понимал, что это сейчас не *он*, а нечто новое. Если и будут смеяться, то не над Костей, бояться нечего. А раз так, зачем же давать им повод для насмешек?

— Это будет твой день, я чувствую, — усмехнулась Женя.

Ответить очередной колкостью Костя не успел — в их далекий угол пробился один из координаторов:

— Рябинин здесь? Константин Рябинин, сколько можно звать? Ох, ни хрена ж себе...

На Костю Рябинина координатор готов был наорать, срывая злость за всех кудахчущих родственниц, которые сегодня высказывали ему свое недовольство. Но от человека-ящера, будто выбравшегося из параллельного мира, он лишь испуганно шарханулся.

— Вот примерно так Константин Рябинин и выглядит, — с невинным видом заметила Женя, подмигнув брату.

В соседний павильон, где шли съемки, они прошли вместе: Костя — на сцену, Женя — в комнату для болельщиков. По пути туда она встретила с родителями, уводившими куда-то рыдающую девочку в нарядном платье. Не прошла, значит... Ей наверняка сказали много хорошего. Про то, что она молодец, но нужно еще немного поработать над собой. Или про то, что «вы так хороши, что вас больше нечему учить». Или про то, что это конкурс, иногда просто не везет.

Слова не имели большого значения на самом-то деле. Не для подростков так точно. Важен был только результат: ты проходишь или нет. Победитель или неудачник. Здесь работали с возрастной группой, которая при желании могла стать официальным лицом

юношеского максимализма. С учетом этого рыдающие дети были не так уж плохи, скоро они восстанавливались и готовы были снова карабкаться к вершине. Куда внимательней нужно было следить за теми, кто продолжал натужно улыбаться и часто моргать, чтобы скрыть слезы.

Костя был из молчаливых. Год назад ему потребовался месяц, чтобы прийти в себя. Но каждая новая неудача оставляет шрам, и раны заживают дольше. Женья понятия не имела, что будет делать, если и на этот раз все сорвется.

Впрочем, о таком пока рано было думать. Из комнаты болельщиков открывался великолепный вид на сцену, и Женья могла наблюдать, как ее брат выходит в яркий свет софитов. Костя сразу же произвел фурор: члены жюри переглядывались, обсуждая что-то; пожилой композитор одобрительно кивнул, певица, похожая на волосатого попугая, радостно хохотала, снимая конкурсанта на смартфон.

По-настоящему Женю интересовали не они, а Костя. Он как раз радовал: наблюдал за всеобщим оживлением со снисходительностью опытного артиста, улыбался и позировал. В прошлый раз он почти сразу замер, могильно серьезный, напряженный до предела, будто каждую мышцу в его теле свело судорогой. Начало другое — это к лучшему, однако расслабиться Женья себе не позволила. Костя лаял, когда терял голос. Никто из членов жюри просто не успевал узнать ту удивительную правду о нем, которую знала его сестра. Все будет по-другому, только если он запоем, иначе никакое первое впечатление ему не поможет.

Только бы он запел...

Члены жюри наконец налюбовались необычным конкурсантом, затихли, свет погас, остался только единственный яркий луч, четко очерчивавший строгие линии фигуры артиста — будто не шестнадцатилетнего мальчика даже, а молодого мужчины. Или посланника других миров, что куда вероятней. Зазвучали первые аккорды, и Женя невольно задержала дыхание, хотя никакой пользы от этого не было. Но как дышать, если воздух кажется наполненным электричеством, а сердце колотится так громко, что может заглушить любые звуки?

И все равно она услышала. На этот раз Костя, сковавший волнение маской, справился. Он показал, почему его пустили сюда, почему он достоин большего. Первые слова, первые строки, еще вкрадчиво тихие, — и члены жюри пораженно замирают, перестают усмехаться. Они думали, что красивого мальчика добавили в программу только для шоу? Тогда их ждет сюрприз.

Женя никогда не была фанаткой музыки и не могла сказать, что ей достался идеальный слух. Но для того, чтобы понять необычность голоса Кости, идеальный слух был и не нужен. После раннего взросления парню достался редкий тембр, завораживающий, потусторонний, неуловимо похожий на голос Фредди Меркьюри в лучшие его дни. Костя знал об этом сходстве и теперь пользовался сполна. По темному залу мистической дымкой стелились строки песни The Show Must Go On — «Шоу должно продолжаться». Одно из последних посланий Фредди. Негласный гимн его жизни и смерти.

Костя говорил, что выбирает эту песню ради шок-эффекта. Тут он, конечно, преуспел: члены жюри смо-

трели на него так, будто пространство разорвалось и из-за завесы смерти к ним шагнул тот самый — снова живой, снова молодой, снова побеждающий всех... Женя догадывалась, что есть и еще одна причина, менее очевидная. Брат прекрасно знал, что это ее любимая песня. Он хотел сделать приятное, не акцентируя на этом внимание. Вполне в духе Кости, который почему-то стеснялся быть добрым открыто.

Он был собой, забывшим про то, кто на него смотрит, про свои цели и амбиции. Даже Женя, зная, на что он способен, вынуждена была взглянуть на него по-новому — и как будто не только она... Она оставалась в комнате болельщиков в одиночестве, такой яркий контраст по сравнению с бодрыми толпами, сопровождавшими других конкурсантов. И все равно Женю не покидало ощущение, что кое-кто сейчас рядом с ней — незримый, стоящий за ее плечом. Главная фанатка Кости, поверившая в него тогда, когда не верил еще никто.

Смотри, мам, он справляется... Ты была права, он справится... Зря я тебе не верила. Наш мелкий совсем взрослым стал, мама, посмотри же...

Время шло, музыка распахивалась за спиной Кости гигантскими крыльями, а члены жюри просто слушали, замороженные. Женя невольно забеспокоилась, прижалась к стеклу. Да что с ними не так? Почему не нажимают на эти свои дурацкие кнопки? Пару часов назад какой-то забавный толстячок фальшивил тут песенку из детского мультфильма — так они по приколу сразу проголосовали! А теперь что? По сравнению с теми песенками Костя был титаном, возвышающимся над муравьями. Почему его не пропускают в следу-

ющий тур? Или опять послушают и заведут свою издательскую песенку о том, что конкурсант слишком хорош для их жалкого шоу и дома ему будет лучше?

Но нет, это был не тот случай. Когда Костя перешел к последним словам и зазвучали в воздухе дрожащие ноты, люди в креслах будто проснулись. Они рванулись к кнопкам с такой скоростью, словно от этого зависела их жизнь. Удар, второй — и загораются один за другим сигналы одобрения, означающие, что в этом году у Кости все получилось.

Ведущий в коридоре взволнованно рассказывал перед объективом камеры, что на этом выпуске шоу родилась долгожданная сенсация. Женя прекрасно знала, что он не преувеличивает.

Стартовую черту, сдерживавшую их столько лет, они наконец-то миновали. Но вот что будет дальше — Женя пока и представить не могла.